

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ

**Сопротивление политико-правовым инновациям
в области устойчивого развития:
социально-психологический подход*****Resistance to Sustainability Innovations Originating in the Legal and Policy Sphere:
Socio-Psychological Approach***

DOI: 10.12737/20513

Получено: 14 января 2016 г. / Одобрено: 10 февраля 2016 г. / Опубликовано: 17 июня 2016 г.

Позняков В.П.

Д-р психол. наук, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, чл.-корр. Международной академии психологических наук, Россия, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, e-mail: pozn_v@mail.ru

Куценко О.В.

Бакалавр Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), секретарь государственной гражданской службы РФ 2 класса, Россия, 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, e-mail: kutsenko.lelya@mail.ru

Багратиони К.А.

Канд. психол. наук, доцент кафедры управления проектами, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 105187, г. Москва, ул. Кирпичная, д. 33, e-mail: kbagrationi@hse.ru

Poznyakov V.P.

Doctor of Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Social and Ethnic Psychology, Moscow University for the Humanities, corresponding member of the International Academy of Psychological Science (IAPS), 13, Yaroslavskaya St., Moscow, 129366, Russia, e-mail: pozn_v@mail.ru

Kutsenko O.V.

Bachelor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Class 2 Russian Federation State Civil Service Secretary, 9, Sadovaja-Kudrinskaja St., Moscow, 123242, Russia, e-mail: kutsenko.lelya@mail.ru

Bagrationi K.A.

Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of Project Management, National Research University Higher School of Economics, 33, Kirpichnaya St., Moscow, 105187, Russia, e-mail: kbagrationi@hse.ru

Аннотация

На примере различных видов политико-правовых инноваций в рамках международного правового пространства в статье рассматриваются социально-психологические процессы, напрямую взаимосвязанные и оказывающие влияние на уровень сопротивления таким проектам. Выделяются стадии внедрения политико-правовых инноваций и виды нормативно-правовых актов в области устойчивого развития. На основе теоретического анализа литературы и разбора кейсов предлагаются стратегии преодоления или снижения уровня сопротивления таким проектам.

Ключевые слова: управление портфелем проектов, ценность, ценностное управление проектами.

Abstract

The article examines different types of political and legal innovation in the international legal space and the directly related to them socio-psychological processes influencing the level of resistance to such projects. The stages of political and legal innovation as well as the sustainability law types are highlighted in the article. Based on the literature review and analysis of cases strategies to overcome or reduce the level of resistance to such projects is being proposed.

Keywords: sustainable development, international law, project management, change management, resistance to sustainability laws.

Введение

В современном обществе социальные инновации возникают в рамках научно-технической, политико-правовой или общественной сфер. Научно-технические инновации практически сразу встречают серьезное сопротивление — они ощутимы на всех

социальных уровнях и поэтому зачастую провоцируют серьезное сопротивление, например, реакция европейского сообщества на генно-модифицированные продукты [4]. Инновации, происходящие в политико-правовой сфере, напротив, долгое время могут оставаться без внимания. Примером могут

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (проект «Разработка и развитие интерактивной информационно-исследовательской базы данных «Социальная психология российского предпринимательства», № 15-06-12036).

The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for the Humanities (project «Design and Development of Interactive Information and Research Database Social Psychology of Russian Entrepreneurship», No. 15-06-12036).

служить попытки понижения уровня выбросов углекислого газа. Несмотря на большой объем инвестиций и работ, проводимых для достижения целей этих инноваций, некоторые из задач так и остаются нерешенными в течение длительного периода времени. Наконец, инновации могут также касаться общественной сферы [25] и способствовать социальным изменениям посредством ряда процессов, таких как движение меньшинств [14; 28; 32], столкновением разных культур [26; 42] или когда трансформируются правовые, научные или политические концепции [37]. Инновации в этой сфере тесно переплетены с продуктами инноваций двух других.

В рамках данной статьи будут рассмотрены инновации в политико-правовой сфере. Этот тип инноваций связан с глобальными вызовами, концептуально разрабатывается на наднациональном уровне [5], затем внедряется посредством государственных законов, учитывающих страновую специфику.

То, что политико-правовые инновации никогда не находились в центре внимания исследователей, может быть объяснено рядом причин [38], главнейшая из которых — отсутствие в исследованиях четкой дифференциации формальных, неформальных и правовых норм [15]. Большинство исследований, посвященных нормам, опираются на концептуальное представление, согласно которому люди являются частью более или менее добровольно сформированных социальных групп, в которых нормы определяются без жестких ограничений, и тем самым игнорируют правовые аспекты общественной жизни [41]. Последствия пренебрежения различием между формальными, неформальными и правовыми нормами выражаются в невозможности определить, образован ли очаг сопротивления инновациям чисто социально-психологическими феноменами или же гражданской позицией. Это отвлекает внимание от процессов, способствующих внедрению инноваций или тормозящих, а также не дает возможности сравнивать темпы принятия концепций, лежащих в рамках различных типов законов, цели и (или) связующие силы которых могут различаться.

Другой причиной игнорирования политико-правовых аспектов внедрения инноваций является господствующая в социальных науках концептуализация власти как феномена, включающего репрессии и отношения зависимости [36]. В современных исследованиях подчеркивается необходимость рассмотрения власти как источника социальных изменений [36]. Но даже в этих исследованиях фокус внимания

ученых сосредоточен на властных отношениях в рамках неформальных групп, а власть государства и социальных институтов, осуществляющая продвижение изменений посредством политических и законодательных процессов, практически игнорируется. В условиях осуществления глобального управления как реального источника изменений в целом ряде сфер необходимо рассматривать социальную составляющую политико-правовых инноваций на нескольких уровнях: уровень национальных институтов, продвигающих инновационные формы поведения [18; 19], а также уровень наднациональных и глобальных институтов [13; 14]. Устойчивое развитие, безусловно, является одной из таких сфер: в частности, в Евросоюзе защита окружающей среды, а также социальная и экономическая устойчивости являются целями, на достижение которых направлено множество нормативных актов и законов [1].

Стадии внедрения политико-правовых инноваций

Фокус внимания исследователей в области социальных наук в последние годы был сосредоточен на проблеме повышения эффективности институциональных систем медиации, претворяющих в жизнь элементы концепции устойчивого развития, входящих в недавно принятые законы. [14].

В качестве одного из инструментов решения данной проблемы в исследовании П. Кастро [12] предлагается четырехстадийная модель внедрения политико-правовой инновации: на протяжении первой стадии — стадии возникновения — инновационная идея появляется в обществе чаще всего усилиями меньшинства. На протяжении этой фазы процесс социальных изменений осуществляется снизу вверх: новые идеи начинают распространяться и, как следствие, новый социальной дискурс и мотивационный типы ценности сопровождают эту идею. Если новые ценности и дискурсы выходят на уровень социального консенсуса, то, возможно, произойдет «легитимизация» этой идеи, что переводит ее на вторую стадию — стадию институализации. На этой стадии новый общественный консенсус трансформируется в ряд правовых, политических и институциональных инноваций [1; 11]. Такая трансформация, естественно, является сложным процессом с множеством заинтересованных сторон, вовлеченных в диспут [34].

Как только новые законы ратифицируются и новая система медиации воплощает их в жизнь,

наступает третья стадия — стадия обобщения. На третьей стадии политико-правовые инновации внедряются в общественное сознание средствами массовой информации, в этот момент вектор изменений меняется на «сверху-вниз», и именно на этой стадии возникают очаги сопротивления данным нормативно-правовым актам. Только в случае, если стадия обобщения полностью пройдена, осуществляется переход на последнюю стадию — стадию стабилизации, когда социальный дискурс становится полностью координируемым.

Ввиду того что система медиации отвечает за наполнение абстрактных формулировок законов конкретным содержательным наполнением, зачастую отражающим страновую специфику, появляется множество различных версий законов [13]. На практике многие политико-правовые инновации требуют создания новых систем медиации, дабы закон, сформулированный в общих терминах, обрел более узкую сферу действия и был применим на практике в результате достаточно длительного процесса проникновения стоящих за ним концептуальных идей в социально-нормативное пространство. Например, в странах Евросоюза многие *Green Dot* общества были созданы для воплощения в жизнь Директивы № 94/62/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 20 декабря 1994 г. по упаковке и упаковочным отходам [13]. Трансформация взглядов на гигиену и санитария, происшедшая на протяжении начала XX в., прекрасно иллюстрирует длительность таких процессов [6].

В наши дни концепция устойчивого развития проходит похожий процесс. Так, на сегодняшний день практика в области гигиены не является предметом дискурсов и разногласий, однако это результат продолжительных социальных усилий [6]. Процесс внедрения моделей экологического поведения в ежедневную привычку общества в современных демократических странах определяется законом в качестве правил должного правого поведения, а не жестких запретов и ограничений [35].

Виды политико-правовых инноваций

Типологический подход к заявленной проблематике позволит на примере законов, регулирующих деятельность компаний в области устойчивого развития, разобрать социально-психологические процессы сопротивления, спровоцированного разными видами нормативных актов. Основаниями для выделения таких видов являются три группы факторов:

- 1) *по связующей силе* — законы делятся на распространяющие свое действие на все государство в целом или на отдельных индивидов. К примеру, некоторые экологические законы направлены на государства в целом: Директива № 2008/98/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 19 ноября 2008 г. по отходам и отмене некоторых директив (Рамочная директива по отходам) предписывает цель в уровень 50% утилизации бытовых отходов для стран-членов ЕС. Такие законы не предусматривают санкции по отношению к отдельным лицам, которые не в состоянии действовать указанным способом (например, не в состоянии фасовать бытовые отходы), и поэтому они напрямую не связывают физических лиц, но, тем не менее, связывают правительство;
- 2) *по контекстуальной специфике* — законы, регулирующие экологическое поведение в рамках общественной или частной сферы. Так, в литературе по устойчивому развитию указывается на необходимость рассмотрения различных предикторов экологического поведения в каждой из сфер [39];
- 3) *по сфере действия* — законы могут быть направлены на индивидуальное поведение или регулировать межгрупповые отношения [13]. Законы, направленные на индивидуальное поведение, в большинстве случаев, хотя и не во всех, трактуются однозначно: например, «в офисах курить запрещено» — это закон, применяющийся напрямую к индивидуальному поведению субъекта и не оставляющий возможности иной трактовки. Законы, регулирующие межгрупповые отношения, например, обязующие учитывать мнение общественности в целом и отдельных социальных групп в частности в рамках крупномасштабных проектов, зачастую характеризуются большей неоднозначностью при применении на практике.

Законы в сфере устойчивого развития, в частности, спровоцированные директивами ЕС в последние годы, включают в себя законы, иллюстрирующие практически все подтипы. Например, нормативно-правовая основа сохранения биоразнообразия объединяет в себе законы, направленные на муниципальную сферу, связующей силой объединяющие индивидов и направленные на регулирование индивидуального поведения. Законы, устанавливающие уровень утилизации бытовых отходов,

напротив, по специфике направлены на частную сферу, однако связующей силой объединяют государство и могут быть направлены на регулирование межгрупповых отношений.

Конечно, для всестороннего исследования социально-психологических аспектов политико-правовых инноваций стоит обратить особое внимание на область охраны окружающей среды и социальную сферу. Именно в этих областях ниже будут рассмотрены примеры, сравнивающие различные типы законов, прямо и косвенно иллюстрирующих поведение граждан в частной и общественной сферах.

Случай 1. Частная сфера

Пример 1.1. Законы, своей связующей силой распространяющие свое действие на государства в целом, однако нуждающиеся в участии общественности

Ранее упоминалось о существовании различных примеров правовых инноваций в рамках устойчивого развития, непосредственно касающихся только правительств, а не отдельных лиц, хотя для наиболее полного и всестороннего достижения целей которых необходимо вовлекать и отдельных индивидов. Исследования в области устойчивого развития показывают, что такие законы затрагивают физических лиц лишь косвенно, а именно через правовые обязательства правительств [2]. Недавно вступившие в законную силу нормативные акты, регулирующие деятельность, связанную с утилизацией бытовых отходов и экономией электрической энергии и воды, служат яркими примерами этого подтипа законов. Ввиду того что такие законы своей связующей силой охватывают государство в целом, их цели реализуются посредством средств массовой информации, а также других институциональных механизмов, чье постепенное воздействие выражается в постепенном изменении основных ценностей и норм, принятых в обществе в целом и в бизнес-сообществах в частности. Теоретически введение таких мер, конечно, может потенциально вызывать однонаправленное сопротивление, однако, как показывает практика, процесс внедрения правовых новшеств сопровождается возникновением амбивалентного отношения к нему со стороны общественности — возникает социальный дискурс: на каждый новый контраргумент появляется новый аргумент «за» [27; 29]. Однако именно эта амбивалентность и замедляет процесс «социального принятия» этих новых законов. Основным следствием амбивалентности является несоответствие убеждений и поведения отдельных лиц. Это противоречие

прекрасно проиллюстрировано в одном из исследований о сохранении водных ресурсов: ряд респондентов, с одной стороны, не согласных с «навязыванием» законов для сохранения водных ресурсов правительством, на практике одновременно утверждал необходимость внедрения таких политико-правовых инноваций для устойчивого развития общества и бизнеса [16, с. 414, табл. 1]. Иными словами, для того, чтобы быть эффективными, концепции, стоящие за подобными нормативными актами, должны успешно проходить процесс «социального принятия» и применяться на практике, а не существовать лишь на бумаге как формальные нормы. Формальные и неформальные нормы соответствуют различным социально-психологическим процессам, главной целью которых является выстраивание модели поведения в частной сфере как отношение и поведение соответственно. Так, приверженность общественности к определенному экологическому поведению в частной сфере может напрямую позитивно влиять на экологические показатели в отчетах компаний [24].

Пример 1.2. Законы, напрямую регулирующие взаимоотношения между физическими лицами в частной сфере

Несмотря на релевантность социального дискурса как важного социально-психологического аспекта отношения к политико-правовым инновациям в рамках подходов, характерных для концепции устойчивого развития [41], законов о запрете или принудительном следовании ее аспектам (например, сохранение окружающей среды) в частной сфере не так много. Устраняя такой пробел в праве, правительства большинства государств-членов Евросоюза предпринимают ряд мер, выстраивающих правильную модель поведения в частной сфере с мерой ответственности за девиацию от такой модели поведения. Так, например, в Швейцарии существуют специальные мешки для различных видов отходов, за правильностью сортировки отходов в нужные мешки следят специальные агенты и должностные лица. Мерой ответственности за неправомерное поведение, а именно, неправильной сортировкой отходов в неподходящий мешок, является штраф. Некоторые города, такие как Нью-Йорк, создали закон о переработке бытовых отходов с дисциплинарной ответственностью в виде штрафа за его неисполнение [31]. Этот закон предусматривает также возможность принятия участия в семинарах по утилизации вместо оплаты штрафа. Исследования по-

казывают, что механизмы контроля и рычаги управления со стороны государств стали сильнее: так, то, что ранее было частной сферой (например, вопросы гигиены, рассмотренные выше), теперь все больше перемещается в центр внимания общественности и требует ее участия.

Случай 2. Общественная сфера

Пример 2.1. Законы, напрямую регулирующие взаимоотношения между частными лицами (группами), направленные на создание новых моделей межгрупповых отношений

Для того чтобы раскрыть социально-психологические процессы, сопровождающие внедрение политико-правовых инноваций и регулирующие межгрупповые отношения в общественной сфере и своей связующей силой объединяющие индивидов, необходимо рассмотреть следующие примеры: 1) новая правовая база, регулирующая общественные отношения; 2) некоторые аспекты новых законодательных актов, регулирующих сохранение биоразнообразия на охраняемых государством природных территориях. Для иллюстрации первого примера обратимся к результатам Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и Всемирного саммита ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002 г.): рядом стран по всему миру были подписаны договоры, сутью которых является необходимость вовлечения и учета мнения местного населения как ключевого фактора обеспечения устойчивости развития. В течение последнего десятилетия было опубликовано несколько директив и регламентов ЕС (например, Директива № 2003/4/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 28 января 2003 г. об открытом доступе к данным об окружающей среде и аннулировании Директивы № 90/313/ЕЭС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 7 июля 1990 г. и Регламент (ЕС) № 1367/2006 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 6 сентября 2006 г. о применении положений Орхусской конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, к учреждениям и органам ЕС), подчеркивающих необходимость включения предложений общественности в процесс принятия решений [20]. Инновационный подход этих документов заключается в реконфигурации экспертных отношений, ослабляющей установившиеся позиции власти и изменяющей форму

легитимизации политико-правовых инноваций [3], в связи с чем принятие этих нормативных актов вызвало недовольство экспертов и должностных лиц, ранее имевших серьезное влияние на весь процесс принятия решений в совокупности [36]. Тем не менее эти законы были ратифицированы и вступили в действие, поскольку сопротивление им так и не приняло «социально одобряемой» формы [13].

В рамках того же исследования был проиллюстрирован дискурс, в котором местное население оспаривало новые принятые законы, ссылаясь на отсутствие консультации с общественностью относительно крупного законодательного проекта, затрагивающего их интересы [13]. Суть дискурса заключалась в том, что стейкхолдеры, чьи интересы затрагивал данный проект, демонстрировали диссонанс в своей оценке участия общественности в данном проекте: они были согласны с идеей в целом, но не в частной ситуации [13]. Такое расхождение сводилось к одобрению идеи участия общественности в принятии законов, но не относительно этой конкретной ситуации. Стейкхолдеры считали, что как граждане и жители этого города они положительно относятся к влиянию общественного мнения на принятие новых законов, но как профессионалы своего дела и эксперты они считали свое мнение более веским, нежели мнение других граждан [3].

Второй пример представлен законами, усиливающими вес экспертов и должностных лиц в принятии решений в ущерб влиянию мнения общественности: эксперты предлагали стратегию, которая предполагала минималистический вариант участия общественности в принятии новых законов. Этот кейс касается новых законов, которые расширяют полномочия экспертов, практически нивелируя роль общественности, как, например, некоторые из законов, входящих в *Natura 2000 — European Ecological Networks* — программу, направленную на защиту областей сохранения и специальных защищенных районов в Европе, опирающуюся на Директиву № 92/43/ЕЭС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21 мая 1992 г. об охране дикой фауны и флоры и о сохранении естественных сред обитания и на Директиву № 79/409/ЕЭС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 2 апреля 1979 г. по сохранению естественных сред обитания птиц. Сферой действия этих законов является сеть охраняемых территорий и природных парков, охватывающих около 20% территории ЕС. За последнее десятилетие сохранение

биоразнообразия в странах-членах Евросоюза в основном было сосредоточено в местах этой системы, включающей в себя государственные и частные земли. Первоначально определение областей и приоритетных земель основывалось на биологической и экологической экспертизе [14]. Законы *Natura 2000* сопровождалась дискурсами профессиональных и социальных групп, таких как фермеры и охотники, призывающих к большему участию общественности в процессе принятия решений [8; 9; 22; 23]. Еврокомиссия впоследствии подготовила новые рекомендации и нормативные акты по сохранению биоразнообразия, с «устойчивым развитием» в качестве центрального понятия и с прицелом на примирение между экологическими и экономическими сферами [14]. Совместные заседания и подписанные соглашения по законам *Natura 2000* улучшили взаимоотношения между экспертами и профессиональными сообществами, но не принесли каких-либо изменений в планы правительства [8]. Таким образом, реакция на новые законы — это не линейный, а сложный и динамичный процесс, зачастую требующий вовлечения различных заинтересованных сторон в процесс принятия решений и готовности к компромиссу.

Пример 2.2. Законы, напрямую регулирующие правоотношения между частными лицами (группами), и предписывающие модели поведения в общественной сфере

Существуют два возможных подхода к трактовке того, каким образом законы программы *Natura 2000* регулируют правоотношения: с точки зрения развития уровня межгрупповых отношений, как это было показано в вышеприведенном примере, и с точки зрения уровня индивидуального восприятия и принятия их как частных законов, стремящихся преобразовать индивидуальное поведение субъектов ради защиты биоразнообразия. Примером могут служить директивы, подлежащие к исполнению в сельскохозяйственной сфере, а также изменения методов управления земельными, водными и лесными ресурсами. Правоотношения, возникающие в этих сферах общественной жизни, регулируются законами, ориентированными на индивидуальное поведение субъектов права. Для рассмотрения социально-психологических процессов, сопровождающих внедрение законов такого типа, необходимо обратиться к исследованиям психологического отношения, к законам *Natura 2000*, проведенным в Португалии и основанным на интервью и фокус-группах [14; 30]. Как показали результаты исследо-

ваний, местные жители никогда не оспаривали важность законов сохранения биоразнообразия [14; 30]. Тем не менее широко обсуждалась необходимость и важность сохранения биоразнообразия в каждом конкретном случае в отношении определенного типа редких животных. Так, социальный дискурс возник на основании различий между Директивами № 79/409/ЕЭС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 2 апреля 1979 г. об охране диких птиц и № 92/43/ЕЭС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21 мая 1992 г. по сохранению естественных сред обитания и дикой фауны и флоры в установлении первоначальных правовых границ для сети охраняемых территорий в рамках законов *Natura 2000*. Последующие изменения отразились в Директиве № 2009/147/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О сохранении диких птиц», принятой в г. Брюсселе 30 ноября 2009 г. Для преодоления проблемы противоречия между нормативными актами законы формировались с ориентацией на общественную сферу и на разбор каждого конкретного случая.

В рамках других исследований использовались опросники для определения факторов поддержки населением новых законов об охраняемых природных территориях [7; 9; 30]. Использование опросных методов предоставило четкие доказательства значимости принадлежности к территориальной группе, чьи интересы затрагивает политико-правовая инновация, как фактора ее принятия. Однако сильная территориальная идентичность положительно влияет на поддержку новых законов сохранения биоразнообразия в одних случаях [9], в то время как в других она выступает в роли предиктора сопротивления политико-правовым инновациям [7; 40].

Эти противоречивые результаты объяснимы другими социально-психологическими факторами. Одним из таких факторов является высокая степень вовлеченности общественности в процесс принятия решения, которая оказывает фасилитирующее действие в рамках данного процесса, в то время как низкую степень вовлеченности или исключение общественности из процесса принятия решений можно рассматривать как ингибитор принятия новых законов в области устойчивого развития [9; 10]. Другим существенным фактором являются люди, владеющие (не владеющие) землей в регионе, иными словами, те, кого объединяет (не объединяет) своей связующей силой новый закон. Для тех, кто

владеет землей, входящей в систему *Natura 2000*, характерна более сильная территориальная идентичность, выступающая также как фасилитатор принятия новых законов [30]. Результаты этого исследования наглядно демонстрируют, что когда отдельные лица или группы вынужденно сталкиваются с политико-правовыми инновациями в области устойчивого развития, гордость жить на защищенной законом территории имеет большое значение как предиктор положительного психологического отношения к новым законам.

Немаловажный вклад в понимание роли территориальной идентичности в оценке новых природоохранных законов был внесен работой, наглядно показывающей, что, вопреки ожиданиям, территориальная идентичность не является существенным фактором, сводящим к минимуму незаконное антиэкологическое поведение, такое как «кемпинг на пляже» или «строительство зданий на землях сельскохозяйственного назначения», если защищенная территория указана недостаточно специфично в данном нормативном акте [21]. Как отмечают авторы [21, с. 287], это связано с тем, что если в рамках закона предметом идентификации выбрать страну в целом, а не определенную территорию, то социально-психологический эффект снижения уровня сопротивления такому нормативному акту не возмещает ожидаемого от него действия. Иными словами, антиэкологическое поведение возникает, когда люди в своем сознании не связывают законы с конкретной сферой их действия.

С другой стороны, в качестве противоположного примера, можно рассмотреть закон о запрете курения в общественных местах. В странах ЕС, в частности, этот закон ратифицировался совсем недавно, поэтому зарубежных исследований в этой сфере пока недостаточно. Однако с уверенностью можно прогнозировать успех принятия этого закона ввиду того, что идентифицировать поведение нарушителя в общественном месте не сложно, тем более дискуссия о негативных последствиях курения в социальных и научных кругах сегодня активна. Ярким примером прогрессивного изменения общественного поведения курильщиков в течение нескольких недель является Португалия, введившая жесткие санкции за неисполнение этих правовых норм. По данным из США, показатели общественной поддержки закона о запрете курения в общественных местах после его ратификации увеличились с 56% до 63% , а также респонденты были более

склонны воспринимать воздействие дыма как риск для здоровья [33]. Таким образом, в исследованиях необходимо дифференцировать неформальные и формальные нормы, подобно социальным сферам, отражающим пагубные последствия табачного дыма, которые находились в центре внимания исследователей и общественных деятелей в течение многих лет.

Пример 2.3. Законы, распространяющие свое действие на все государство в целом и регулирующие межгрупповые отношения в общественной сфере

Европейская комиссия утвердила нормативно-правовые акты (Директива № 2003/30/ЕЭС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 8 мая 2003 г. о поддержке использования биологического топлива и других возобновляемых источников энергии на транспорте и Директива № 2009/28/ЕЭС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23 апреля 2009 г. по стимулированию использования энергии из возобновляемых источников энергии), направленные на стимулирование производства энергии путем использования возобновляемых источников (ветра, солнечной и гидроэлектроэнергии) с целью сокращения выбросов парниковых газов в окружающую среду. Целью ратификации этих директив для государств-членов ЕС является переход на более экономичную добычу энергии: целевым показателем является получение 20% всей энергии от возобновляемых источников к 2020 г. Таким образом, этот нормативно-правовой акт иллюстрирует тип законов, которые посредством объединения своей связующей силой государства в целом оказывают воздействие на отношения между социальными группами в целом, а также регулируют процессы управления технологическими инновациями. Исследование о применении офшорных ветровых электростанций в прибрежной зоне Великобритании показало, что сопротивление таким проектам также сильно связано с такими социально-психологическими феноменами, как территориальная идентичность, и также может носить амбивалентный характер [17].

Заключение

В рамках исследования решались две концептуальные задачи: систематизация теоретических аспектов политико-правовых инноваций и изменений, ими провоцируемых, а также выделение оснований для типологизации политико-правовых инноваций. Также в статье были рассмотрены примеры социально-психологического сопротивления внедрению

политико-правовых инноваций в целом и законам в области устойчивого развития в частности. На основании анализа кейсов могут быть сформулированы следующие выводы.

1. Когда законы своей связующей силой направлены на государство, а затрагивают частную сферу, то причины сопротивления такой политико-правовой инновации кроются в расхождении между словами и действиями, как, например, при вторичной переработке (Директива № 94/62/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 20 декабря 1994 г. по упаковке и упаковочным отходам) или вопросах энергосбережения (Директива № 2003/30/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 8 мая 2003 г. о поощрении использования биотоплива или другого возобновляемого топлива на транспорте и Директива № 2009/28/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23 апреля 2009 г. о стимулировании использования энергии из возобновляемых источников и внесении поправок в Директиву № 2001/77/ЕС Европейского парламента и Совета от 27 сентября 2001 г. по поддержке производства электричества возобновляемыми источниками энергии на внутреннем рынке электричества с последующей отменой этой директивы) и сохранения водных ресурсов. Ключом к преодолению такого сопротивления является сокращение разрыва между словами и действиями: введение обязующих правил в таких случаях более эффективно. Это порождает направление исследований в рамках сравнения формальных нормативных актов и неформальных элементов корпоративной культуры.
2. Когда законы своей связующей силой объединяют индивидов, ключевым фактором, определяющим уровень сопротивления, выступает их целевая направленность: предписывают ли они

модели поведения отдельным индивидам или же регулируют межгрупповые отношения. В первом случае мы можем ожидать достаточно быстрые темпы принятия этой политико-правовой инновации со сравнительно низким минимальным уровнем сопротивления (этот случай прекрасно проиллюстрирован в примере про закон о запрете курения в общественных местах). Иные социально-психологические феномены сопровождают процессы принятия законов, регулирующих межгрупповые отношения. Так, граждане могут не подвергать сомнению важность утверждения нормативно-правовых актов, уравнивающих вес мнения местных жителей и экспертов в области устойчивого развития в целом, но демонстрировать существенное сопротивление, когда такие нормативно-правовые акты приравнивают вес их собственного мнения как экспертов к весу мнений остальных граждан-неэкспертов в области устойчивого развития в целом и экологии в частности.

3. Когда законы напрямую регулируют правоотношения между частными лицами (группами) и предписывают модели поведения в общественной сфере, наибольшую силу «агента изменений» обретает территориальная идентичность, которая может амбивалентно влиять, понижая либо повышая уровень сопротивления местного населения политико-правовой инновации: если закон направлен не на крупную область в целом, а на определенную территорию, то за счет «территориальной гордости» вступит в силу социально-психологический эффект ингибиции уровня сопротивления такому нормативному акту. Так, собственники земли, входящей в систему *Natura 2000*, были в значительно большей степени вовлечены в качестве заинтересованных сторон данной программы, что значительно снижало их сопротивление этой политико-правовой инновации.

Литература

1. *Baker S.* Sustainable development as symbolic commitment: Declaratory politics and the seductive appeal of ecological modernisation in the European Union // *Environmental Politics*. 2007. No. 16. P. 297–317.
2. *Bamberg S., Möser G.* Twenty years after Hines, Hungerford, and Tomera: A new meta-analysis of psycho-social determinants of pro-environmental behavior // *Journal of Environmental Psychology*. 2007. No. 27. P. 14–25.
3. *Batel S., Castro P.* A social representations approach to the communication between different spheres: An analysis of the impact of two discursive formats // *Journal of the Theory of Social Behaviour*. 2009. No. 39. P. 415–433.
4. *Bauer M., Gaskell G.* (Eds.) *Biotechnology — the making of a global controversy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
5. *Beck U.* *World at risk*. Cambridge: Polity Press, 2009.
6. *Beck-Gernsheim E.* Health and responsibility: From social change to technological change and vice versa / In B. Adam, U. Beck, J. Van Loon (Eds.). *The risk society and beyond: Critical issues for social theory*. London: Sage, 2000. P. 123–135.
7. *Bonaiuto M., Carrus G., Martorella H., Bonnes M.* Local identity processes and environmental attitudes in land use changes: The case of natural protected areas // *Journal of Economic Psychology*. 2002. No. 23. P. 631–653.
8. *Buijs A.* *Public natures: Social representations of nature and local practices*. Wageningen, The Netherlands: Alterra, 2009.

9. Carrus G., Bonaiuto M., Bonnes M. Environmental concern, regional identity, and support for protected areas in Italy // *Environment and Behavior*. 2005. No. 37. P. 237–257.
10. Carrus G., Cini F., Bonaiuto M., Mauro A. Local mass media communication and environmental disputes: An analysis of press communication on the designation of the Tuscan Archipelago National Park in Italy // *Society and Natural Resources*. 2009. No. 22. P. 607–624.
11. Castro P. Applying social psychology to the study of environmental concern and environmental worldviews: Some contributions from social representations approach // *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 2006. No. 16. P. 247–266.
12. Castro P. Legal Innovation for Social Change: Exploring Change and Resistance to Different Types of Sustainability Laws // *Political Psychology*. 2012. No. 1. P. 105–121.
13. Castro P., Batel S. Social representation, change and resistance: On the difficulties of generalizing new norms // *Culture & Psychology*. 2008. No. 14. P. 477–499.
14. Castro P., Mouro C. Socio-psychological processes in dealing with change in the community: Insights gained from biodiversity conservation // *American Journal of Community Psychology*. 2011. No. 47. P. 362–373.
15. Cialdini R.B., Trost M.R. Social influence: Social norms, conformity and compliance / In D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey (Eds.). *The handbook of social psychology*, 2. 4th ed. New York: McGraw-Hill, 1998. P. 151–192.
16. Corral-Verdugo V., Frías-Armenta M. Personal normative beliefs, antisocial behaviour and residential water conservation // *Environment & Behavior*. 2006. No. 38. P. 406–421.
17. Devine-Wright P., Howes Y. Disruption to place attachment and the protection of restorative environments: A wind energy case study // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. No. 30. P. 271–280.
18. Farr R.M. From collective to social representations: Aller et retour. *Culture & Psychology*. 1998. No. 4. P. 275–296.
19. Foucault M. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. New York: Pantheon Books, 1980.
20. Gonçalves M.E. Implementation of EIA directives in Portugal: How changes in civic culture are challenging political and administrative practice // *Environmental Impact Assessment Review*. 2002. No. 22. P. 249–269.
21. Hernandez B., Martín A. M., Ruiz C., Hidalgo M.C. The role of place identity and place attachment in breaking environmental protection laws // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. No. 30. P. 281–288.
22. Hiedanpää J. The edges of conflict and consensus: A case for creativity in regional forest policy in Southwest Finland // *Ecological Economics*. 2005. No. 55. P. 485–498.
23. Hovardas T., Stamous G. Structural and narrative reconstruction of rural residents' representations of "nature", "wildlife," and "landscape" // *Biodiversity & Conservation*. 2006. No. 15. P. 1745–70.
24. Joule R.V., Girandola F., Bernard F. How can people be induced to willingly change their behavior? The path from persuasive communication to binding communication // *Social and Personality Psychology Compass*. 2007. No. 1. P. 493–505.
25. Jovchelovitch S. *Knowledge in context: Representations, community and culture*. London: Routledge, 2007.
26. Jovchelovitch S., Gervais M.-C. Social representations of health and illness: The case of the Chinese community in England // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 1999. No. 9. P. 247–260.
27. Marková I. The epistemological significance of the theory of social representations // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2008. No. 38. P. 461–487.
28. Moscovici S. *La psychanalyse, son image et son public*. Paris: PUF, 1961/1976.
29. Moscovici S. On social representations. In J.P. Forgas (Ed.), *Social cognition: Perspectives on everyday understanding*. London: Academic Press, 1981. P. 181–209.
30. Mouro C., Castro P. Local communities responding to ecological challenges – A psycho-social approach to the Natura 2000 network // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2010. No. 20. P. 139–155.
31. New York City Council; Retrieved from: http://council.nyc.gov/html/releases/recycling_4_10_10.shtml
32. Orfali B. Extreme right movements: Why do they re-emerge? Why are they accepted? // *Theory & Psychology*. 2006. No. 16. P. 715–736.
33. Rayens M.K., Hahn E.J., Langley R.E., Hedgecock S., Butler K.M., Greathouse-Maggio L. Public opinion and smoke-free laws // *Policy, Politics, & Nursing Practice*. 2007. No. 8. P. 262–270.
34. Rosa H., Silva J. From environmental ethics to nature conservation policy: Natura 2000 and the burden of proof // *Journal of Agricultural & Environmental Ethics*. 2005. No. 18. P. 107–130.
35. Rutherford P. The entry of life into history / In E. Darier (Ed.). *Discourses of the environment*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 95–118.
36. Simon B., Oakes P. Beyond dependence: An identity approach to social power and domination // *Human Relations*. 2006. No. 59. P. 105–139.
37. Spini D., Doise W. Organizing principles of involvement in human rights and their social anchoring in value priorities // *European Journal of Social Psychology*. 1998. No. 28. P. 603–622.
38. Spini D., Doise W. Universal human rights and duties as normative social representations / In N.J. Finkel & F. Moghaddam (Eds.). *The psychology of human rights and duties: Empirical contributions and normative commentaries*. Washington, DC: American Psychological Association, 2005. P. 21–48.
39. Stern P. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior // *Journal of Social Issues*. 2000. No. 56. P. 407–424.
40. Stoll-Kleemann S. Barriers to nature conservation in Germany: A model explaining opposition to protected areas // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. No. 21. P. 369–385.
41. Uzzell D., Rathzel N. Transforming environmental psychology // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. No. 29. P. 340–350.
42. Wagner W., Duveen G., Verma J., Themel M. The modernization of tradition: thinking about madness in Patna, India // *Culture & Psychology*. 1999. No. 5. P. 413–445.

References

1. Baker S. (2007). Sustainable development as symbolic commitment: Declaratory politics and the seductive appeal of ecological modernisation in the European Union. *Environmental Politics*, 16, 297–317.
2. Bamberg S. & Möser G. (2007). Twenty years after Hines, Hungerford, and Tomera: A new meta-analysis of psycho-social determinants of pro-environmental behaviour. *Journal of Environmental Psychology*, 27, 14–25.
3. Batel S. & Castro P. (2009). A social representations approach to the communication between different spheres: An analysis of the impact of two discursive formats. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 39, 415–433.

4. Bauer M. & Gaskell G. (Eds.) (2002). *Biotechnology—the making of a global controversy*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Beck U. (2009). *World at risk*. Cambridge: Polity Press.
6. Beck-Gernsheim E. (2000). Health and responsibility: From social change to technological change and vice versa. In B. Adam, U. Beck & J. Van Loon (Eds.), *The risk society and beyond: Critical issues for social theory* (pp. 123–135). London: Sage.
7. Bonaiuto M., Carrus G., Martorella H. & Bonnes M. (2002). Local identity processes and environmental attitudes in land use changes: The case of natural protected areas. *Journal of Economic Psychology*, 23, 631–653.
8. Buijs A. (2009). *Public natures: Social representations of nature and local practices*. Wageningen, The Netherlands: Alterra.
9. Carrus G., Bonaiuto M. & Bonnes, M. (2005) Environmental concern, regional identity, and support for protected areas in Italy. *Environment and Behavior*, 37, 237–257.
10. Carrus G., Cini F., Bonaiuto M., & Mauro A. (2009). Local mass media communication and environmental disputes: An analysis of press communication on the designation of the Tuscan Archipelago National Park in Italy. *Society and Natural Resources*, 22, 607–624.
11. Castro P. (2006). Applying social psychology to the study of environmental concern and environmental worldviews: Some contributions from social representations approach. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 16, 247–266.
12. Castro P. (2012). Legal Innovation for Social Change: Exploring Change and Resistance to Different Types of Sustainability Laws. *Political Psychology*, 33(1): 105–121.
13. Castro P. & Batel S. (2008). Social representation, change and resistance: On the difficulties of generalizing new norms. *Culture & Psychology*, 14, 477–499.
14. Castro P. & Mouro C. (2011). Socio-psychological processes in dealing with change in the community: Insights gained from biodiversity conservation. *American Journal of Community Psychology*, 47, 362–373.
15. Cialdini R.B. & Trost M.R. (1998). Social influence: Social norms, conformity and compliance. In D.T. Gilbert, S.T. Fiske & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology*, 2 (4th ed., pp. 151–192). New York: McGraw-Hill.
16. Corral-Verdugo V. & Frías-Armenta M. (2006). Personal normative beliefs, antisocial behaviour and residential water conservation. *Environment & Behavior*, 38, 406–421.
17. Devine-Wright P. & Howes Y. (2010). Disruption to place attachment and the protection of restorative environments: A wind energy case study. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 271–280.
18. Farr R.M. (1998). From collective to social representations: *Aller et retour*. *Culture & Psychology*, 4, 275–296.
19. Foucault M. (1980). *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. New York: Pantheon Books.
20. Gonçalves, M.E. (2002). Implementation of EIA directives in Portugal: How changes in civic culture are challenging political and administrative practice. *Environmental Impact Assessment Review*, 22, 249–269.
21. Hernandez B., Martín A.M., Ruiz C. & Hidalgo M. C. (2010). The role of place identity and place attachment in breaking environmental protection laws. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 281–288.
22. Hiedanpää J. (2005). The edges of conflict and consensus: A case for creativity in regional forest policy in Southwest Finland. *Ecological Economics*, 55, 485–498.
23. Hovardas T., & Stamos G. (2006). Structural and narrative reconstruction of rural residents' representations of "nature," "wildlife," and "landscape." *Biodiversity & Conservation*, 15, 1745–1770.
24. Joule R.V. Girandola F. & Bernard F. (2007). How can people be induced to willingly change their behavior? The path from persuasive communication to binding communication. *Social and Personality Psychology Compass*, 1, 493–505.
25. Jovchelovitch S. (2007). *Knowledge in context: Representations, community and culture*. London: Routledge.
26. Jovchelovitch S. & Gervais M.-C. (1999). Social representations of health and illness: The case of the Chinese community in England. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 9, 247–260.
27. Marková I. (2008). The epistemological significance of the theory of social representations. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 38, 461–487.
28. Moscovici S. (1961/1976). *La psychanalyse, son image et son public*. Paris: PUF.
29. Moscovici S. (1981). On social representations. In J.P. Forgas (Ed.), *Social cognition: Perspectives on everyday understanding* (pp. 181–209). London: Academic Press.
30. Mouro C. & Castro P. (2010). Local communities responding to ecological challenges – A psycho-social approach to the Natura 2000 network. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 20, 139–155.
31. New York City Council; Retrieved from: http://council.nyc.gov/html/releases/recycling_4_10_10.shtml
32. Orfali B. (2006). Extreme right movements: Why do they re-emerge? Why are they accepted? *Theory & Psychology*, 16, 715–736.
33. Rayens M.K., Hahn E.J., Langley R.E., Hedgecock S., Butler K.M. & Greathouse-Maggio L. (2007). Public opinion and smoke-free laws. *Policy, Politics, & Nursing Practice*, 8, 262–270.
34. Rosa H. & Silva J. (2005). From environmental ethics to nature conservation policy: Natura 2000 and the burden of proof. *Journal of Agricultural & Environmental Ethics*, 18, 107–130.
35. Rutherford P. (1999). The entry of life into history. In E. Darier (Ed.), *Discourses of the environment* (pp. 95–118). Oxford: Blackwell.
36. Simon B. & Oakes P. (2006). Beyond dependence: An identity approach to social power and domination. *Human Relations*, 59, 105–139.
37. Spini D., & Doise W. (1998). Organizing principles of involvement in human rights and their social anchoring in value priorities. *European Journal of Social Psychology*, 28, 603–622.
38. Spini D., & Doise W. (2005). Universal human rights and duties as normative social representations. In N.J. Finkel & F. Moghaddam (Eds.), *The psychology of human rights and duties: Empirical contributions and normative commentaries* (pp. 21–48). Washington, DC: American Psychological Association.
39. Stern P. (2000). Toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 56, 407–424.
40. Stoll-Kleemann S. (2001). Barriers to nature conservation in Germany: A model explaining opposition to protected areas. *Journal of Environmental Psychology*, 21, 369–385.
41. Uzzell, D., & Rathzel, N. (2009). Transforming environmental psychology. *Journal of Environmental Psychology*, 29, 340–350.
42. Wagner W., Duveen G., Verma J., & Themel M. (1999). The modernization of tradition: thinking about madness in Patna, India. *Culture & Psychology*, 5, 413–445.